

Они столкнулись нос к носу, беглый солдат и дремавший на карнизе утёса двухметровый полоз. Вызванное неожиданной встречей оцепенение длилось секунду или чуть поболее того. Однако даже малого промежутка времени хватило для того, чтобы Иван вспомнил слова школьного учителя биологии Захара Родионовича:

– Знайте, дети, у гадюки зрачки вроде палочек, а у неядовитых пресмыкающихся – овальные. Но я бы советовал держаться подальше от полозов. Праву они крайне злобного.

При этом учитель коснулся щеки, где бугрилось обрамлённое белесоватыми отметинами родимое пятно величиной с полевую мышь. Отметины – следы зубов желтобрюхого полоза, который подстерг школьную экскурсию на льнущей к стопам каменной бабы тропинке.

– Дети, – вполголоса предупредил Захар Родионович, – замрите. Сей зверь подслеповат и, если не двигаться, может принять нас за половецких идолов.

Наверное, школьная экскурсия и страж степного заповедника разошлись бы миром, не оброни пролетавший шмель крупницу цветочной пыльцы. На беду, эта крупница была втянута в нос школьного учителя и устроила там сильное беспокойство.

Захар Родионович чихнул, и тут же в воздухе мелькнуло похожее на распрямившуюся пружину двухметровое тело.

На крики примчался егерь, худой, словно стебель горького полынка. Правда, пахло от него почему-то не степным разнотравьем, а бражкой. Но, слава богу, егерь сохранил способность соотносить и за полторы минуты отцепил полоза от учительской щеки.

– Дуйте на кордон заповедника, – велел он. – Моя супружница вам ранки зелёной замажет. Да не вздумайте выдёргивать обломки зубов. Сами выйдут.

Егерь оказался добрым человеком. Чтобы успокоить ребят, рассказал, как прошлым летом нашёл забытую туристами бутылку водки и как попытался закусить недозрелой ягодкой земляники:

– А под кустиком, – хохотнул егерь, – гадюка таилась. Да как тыпнет за палец. Но всё обошлось. Доктор сказал, что алкоголь нейтрализует гадючий яд... Я к чему веду – на природе смотрите в оба глаза. И если в носу засвербит, вначале оглянитесь, а потом чихайте на здоровье.

К сожалению, не всякий совет применим в отдельно взятом случае. И хотя над утёсом вместо шмеля кружил вран, который, как известно, цветочной пыльцой не питается, Иван почувствовал в носу раздражение. Собственно, чихать начал ещё позавчера, когда лежал в придорожной канаве рядом со своей БМП. Вообще-то Ивану следовало обогнуть горевший впереди танк, однако справа дорогу преграждала сбитая башня и что-то бесформенное, скорее всего останки солдат, которые ещё минуту назад лепились к этой самой башне.

Оказывается, броня не самая надёжная защита. Летевшие с маковки противотанковые ракеты с убойной точностью вскрывали коробки боевых машин пехоты и капоты грузовиков, треть из которых ещё раньше растеряла изодранные осколками шины и теперь бороздила ребордами асфальта дороги второстепенного назначения.

Поэтому Иван не стал дожидаться, когда очередная противотанковая стрела вонзится в бок БМП.

– Всё – долуй! – заорал он и, отпихивая шпротно набившихся в десантный отсек солдат, вывалился наружу.

Вопль сражённого броневой снарядом ужасен. Примерно такой звук, только во сто крат слабее, издают рёбра дикого кабана, сквозь которые проламывается пуля Бреннеке двенадцатого калибра.

На какое-то мгновение Иван утратил способность воспринимать происходящее. Но оглушили его не взрывы, второй прогремел несколько секунд спустя позади боевой машины пехоты, где на буксире тащился рябенький «уазик» командира взвода.

Нечто увесистое хлестнуло его по загривку, отчего с головы слетел и невзесь куда подевался испачканный мазутом ребристый шлем. Малость оклемавшись, Иван ощупал вскочившую у основания черепа здоровенную гематому, но крови, к счастью, не обнаружил.

Тем временем взрывы переместились в хвост колонны, а на смену им пришёл треск рвущихся малокалиберных унитаров, урчанье пожирающего остатки дизельного топлива пламени, да кто-то невидимый надрывно звал санитаров.

Этот вопль штопором ввинчивался в потерявшие чувствительность барабанные перепонки, однако никто не поспешил на помощь. Когда Иван поднялся на ноги, то первым делом увидел в поле санитарную «буханку», которая исходила таким чёрным дымом, словно под завязку была заполнена крепом, из которого шьют траурные нарукавные повязки.

Вторым оказавшимся в поле зрения объектом была оторванная по плечо правая рука. И хотя обрубок выглядел так, словно его пропустили через барабан молотилки, Иван узнал его.

Эту руку невозможно спутать ни с какой другой. Безымянный палец обвивала наколка в виде перстня с черепом. Точно такой же череп размером поболее скалился и на внешней стороне кисти.

На татуировки Иван обратил внимание, когда взводный осматривал мобилизованных новобранцев. Он был на голову выше любого из них и чем-то напоминал половецкого идола из степного заповедника. Лицо подобно грубо сработанной маске из песчаника, кожа цвета придорожной пыли.

– Слушайте сюда, мрази, – прорывал Половецкий идол. – Вам выпала великая честь служить в подразделении, основу которого составляют те, кто пришёл защищать нэньку по велению совести, а не по повестке. Вы обязаны во всём походить на них и тогда, возможно, удостоитесь шеврона с изображением знака великих воинов – «Волчьего крюка». А если кто, – взводный потряс похожим на пушечное ядро среднего калибра кулаком, – вздумает лепить мостырку или, что ещё хуже, дезертировать, того я прокляну страшным проклятием! Он до глубокой старости будет жалеть, что мамка не выписала его в сухую крапиву... Вот этим самым кулаком я вышиб полтора десятка зубов, а парочку гниловатых мразей комиссовал вчистую...

И вот Половецкий идол сделал то, что не успел при жизни. Наверное, осерчал на подчинённого механика-водителя БМП, который покинул боевой пост и тем самым подставил под ракету волочившийся следом «уазик».

Но на этом, если не считать продолжавшего висеть над головой проклятия, власть взводного закончилась. И вселявший ужас кулак с двумя черепами теперь не больше чем обрубок, который, похоже, уже заметил пролетевший над растерзанной колонной падальщик из семейства врановых.

Чихнув несколько раз кряду, отчего в голове наступило некоторое прояснение, Иван обогнул сбитую башню и, перепрыгивая через останки человеческих тел, помчался туда, где солнце термитным шаром скатывалось в наполненную золотой пылью степь.

Догоравшая колонна осталась далеко позади, однако невыносимый зуд продолжал терзать носоглотку. Казалось, в ней навечно поселился смрад горячей резины и вонь смешивающихся на асфальте лужиц. Серебристых – от расплавленных аккумуляторных пластин и почти чёрных – от человеческой крови.

Вообще-то Ивану следовало держать курс на юго-восток, в сторону родительского дома, который насквозь пропах солью черноморских лиманов. Но если он будет безостановочно двигаться со средней скоростью пять километров в час, то доберётся лишь к исходу месяца.

Зато до хутора родимой тётки, которую все, включая соседей, называют бабушкой Любой, во сто крат ближе. Надо лишь сторониться перекрёстков, где есть опасность нарваться на защитников нэньки и вооружённых чем попало, но таких же обозлённых шахтёров.

Если попадёшься, мигом поставят к стенке, а за неимением таковой – к мохнатым от пыли кустикам полезащитной полосы. Первые – за дезертирство, вторые – за принадлежность к нацикам. Забьют,

как влезшего в овечий катух вора. А потом сволокут в ближайший овраг. И спасибо, если прикроют землицей, не оставят на съедение падальщику из семейства врановых, который ждёт не дожждётся, когда можно будет отобедать конечностью Половецкого идола.

И только прижившийся у опушки старой дубравы хуторок бабушки Любы видится Ивану спасительным островком. Ну не могут же злоба и ненависть заползти в домишко под греческой черепицей, где всегда пахнет пресными лепёшками и где в углу на тусклом окладе иконы Николая Мирликийского дремлет отражение горящей лампадки.

Он очень гостеприимен, этот огонёк. Всяк вошедшего встречает приветливыми поклонами, и от этого в облике заступника бродяг разглаживаются морщины.

Точно так же, приветливо, встретит и сама хозяйка. Маленькая, с глазами цвета степных криниц, на дне которых застыла вселенская скорбь. И тут же примется накрывать на стол, таково правило в домишке под греческой черепицей – первым делом накормить гостя.

– Как же ты похож на своего покойного дедушку, – вздохнёт тётка, и в унисон её словам всхлипнут добытые из пузатого комода чарки старинного литья.

Печальное настроение, конечно, передастся Ивану, и он предложит первым делом помянуть тех, о ком скорбят глаза хозяйки. Только до хутора на опушке дубравы топать и топать. Поэтому и торопится Иван, шагает по сжатому полю, словно землемер с растопыренным сажнем в руке. Брызжут во все стороны сиреневокрылые кузнечики, хрустит под подошвами берцев непокорная, как колючки ёжика, стерня.

Назад ни разу не посмотрел. Пресытился за полтора месяца зрелищем разорванных в клочья тел и вывернутых наизнанку боевых машин пехоты. Его сейчас больше интересует рассыпанная золотистая пыль, которая вблизи оказалась и не миражом вовсе, а цветущим подсолнечником. Повернув, хранящие юную гибкость корзинки будто указывают Ивану дорогу – на запад, где термитным шаром скатывается солнце и где у иконы Николая Мирликийского теплится приветливый огонёк.

– В поросячий голос тебя посеяли, – сказал Иван подсолнечнику. – Сентябрь, но ты по-летнему праздничный. А я по твоей милости, ровно пчела, весь в золотой пыльце.

Зато кукуруза на соседнем поле – копия молодящейся дамочки. Ещё всюю кокетничает, но в голосе уже проскальзывает старческая шепелявость. Иван шагает споро, червем ввинчиваясь в кукурузные листья. И так увлёкся, что вылетел на полевую дорогу.

К счастью, та оказалась пустынной. Если, конечно, не считать припавшего на закопчённые реборды трёхосного грузовика в окружении разбросанных консервных банок. Тоже закопчённых.

Правда, разбросанные взрывом консервы никого не интересовали. Ивана подташнивало при малейшей мысли о еде, а водитель грузовика едва ли уцелел после попадания в кабину противотанковой ракеты.

Подобная участь ожидала и самого Ивана. Но он, видя, как снайперским огнём расстреливали колонну, вовремя покинул коробку БМП, которая долю секунды спустя стала бронированным гробом для других, тоже бежавших с поля боя.

А как не бежать, когда после сшибки под Мариновкой даже Половецкий идол закатил истерику, после которой его пришлось отпаивать конфискованной самогонкой.

– Сука буду, – орал взводный и так колотил себя в размалёванную татушками грудь, что возникла угроза обрушения церковных куполов, – если поверю, что нас утюжили вчерашние шахтёры и трактористы. Только в блиндаж комбата, земля ему пухом, восемь прямых попаданий сто двадцать второго калибра!

С той же ювелирной точностью ополченцы отработали и по колонне, которая жирной гусеницей пыталась уползти в тыл. Да и подбитый грузовик с консервами – тоже дело их рук. Видно, всерьёз осерчали шахтёры и трактористы на непрошенных гостей.

Правда, одинокий солдат не та цель, на которую следует тратить пулю, тем более – противотанковую ракету. Даже если доберётся до своих, он уже не воин. Кто однажды дезертировал с поля боя, побежит и во второй раз.

И всё-таки он колеблется. Кукурузное поле закончилось, а дальше – заставленная кустиками шиповника разлогая балка и высотка, откуда, скорее всего, и был подбит трёхосный грузовик.

– Чему быть, того не миновать, – говорит Иван и берёт курс на переброшенный через заболоченный участок балки каменный мост.

Мост очень древний, кажется, он тут же рухнет, если убрать подпирающие его своды метёлки камышей.

От моста, в обход высоты, тянется помнящая колёсный скрип телег первых поселенцев брусчатка, которая вскоре привела Ивана в закут, образованный двумя сходящимися под острым углом полезающими полосами.

Судя по штабелям ящиков от боеприпасов установок залпового огня, в закуте базировался дивизион «Градов». И уходил отсюда в великой спешке, бросив бензовоз с поднятым капотом, зенитную установку на колёсиках и стоящий к ней впритык зелёный мотоцикл, в коляске которого высилась целая копна пакетов с сухпайками и крупой.

Впрочем, последний уж никак не выглядел покинутым, и поэтому Иван спрятался за кустами серебристого лоха. Со своего НП он вначале уловил какое-то шевеление, а погода разглядел хозяина мотоцикла. Массивный, под стать взводному, мужик цеплял «зушку».

«Запасливый чёрт, – восхитился Иван. – Только на кой хрен ему в хозяйстве зенитка? На диких уток охотиться?..»

А мужик тем временем выудил из-под пакетов бутылку воды. Пил долго, с наслаждением, как и всякий изрядно потрудившийся добытчик.

Наконец, мужик завёл мотоцикл. Проехал рядом, даже не удостоив взглядом куртинку серебристого лоха, за которой хоронился Иван, и «зушка» собачонкой поскакала к новому месту жительства.

Ивану следовало бы расспросить дорогу в хутор, где у образа покровителя путников теплится лампадка. Однако с таким же успехом мог подгрестись на утлой лодчонке к выбирающему сети браконьеру и поинтересоваться уловом, заранее зная, каким будет ответ. И вообще, нет более мерзкого существа, нежели браконьер, который с одинаковым усердием обирает море, землю и выворачивает карманы павших на поле боя.

Поэтому Иван и поостерегся лезть с расспросами. Хватит, схлопотал по заливке мёртвой, но карающей десницей. К тому же у него имелась путеводная звезда – солнце. Надо держать строго на неё, и тогда обязательно повезёт.

Ну, пока ещё светло, следует позаботиться о ночлеге. Термитный шар греет вполне, ещё чуток, и в низинах потекут прохладные реки тумана. Единственное укрытие от них – крыша под греческой черепицей или сеновал, где даже в лютой мороз пахнет так, как на Троицын день. Только в окрест не видать ни того, ни другого. Лишь бесприютные балки да кособокие горюшки.

Но не напрасно же теплится огонёк у иконы Николая Мирликийского, покровителя ищущих пристанище. Уже в загустевших сумерках заметил серпантин речушки, оконтуренной вялыми, как медведи перед зимней спячкой, ивами и копёшкой сена.

В другой раз при виде покинутого стожка Иван бы укоризненно качнул головой: «Такое добро пропадает». Но сейчас испытал что-то вроде благодарности тому, кто подарил чудесный ночлег.

Закапывался в стожок на остатке сил и сознания. Восемь прямых попаданий в блиндаж комбата, оставленная на заливке мёртвым кулаком шишка и многочасовая погоня за небесным светилом доконали беглого солдата.

Он даже не слышал, как ниже по течению перекликаются железные перепела войны и как тревожно реагируют на канонаду приречные ивы, в голосе которых ощущалась всё та же старческая шепелявость.

Однако спал беспокойно. В черепной коробке продолжало биться эхо рвущихся малокалиберных унитаров да всё так же исходила траурным чадом валяющаяся на боку медицинская «буханка». А потом привиделся падальщик-вран. Не обращая внимания на катящиеся из глазниц черепа багровые слёзы, он теребил жёстким клювом руку Половецкого идола.

«Как ты смеешь жрать то, что смердит на всю округу? – кричал Иван во сне. – Поди прочь!»

Снился ему и грузовик в окружении консервных банок, из которых выползали опарыши. Точно так же, тошнотворно, пахло и всё остальное. Закут, где добычливый мужик цеплял к зелёному мотоциклу зенитку, ветхозаветный мост и даже цветущие корзинки подсолнечника.

«А ты напаяль на харю противогаз», – ехидно посоветовал пролетающий над стожком вран и выронил из лап чьи-то кишки.

«Да пошёл ты!» – заорал Иван и, выкарабкавшись из стожка, чуть не наступил на дохлого волка.

Теперь ему, наконец, стало понятно, почему стожок оказался не востребовавшимся. Чуть поодаль в траве валялся окровавленный, как и волк, заяц, а прибрежный луг в шахматном порядке усыпали квадратики жухлой травы.

– Грубая работа, – пробормотал Иван. – Ставили мины, а не подумали, что через день-другой брак вылезет наружу... Жаль волка, устроил охоту на минном поле и поплатился. И зайца зазря сгубила. А мне по их милости дохлятина всю ночь мерещилась...

Ивану не составляло труда ещё раз, теперь уже днём, пропетлять между квадратиками. Однако решил свести риск к минимуму. Если повезло однажды, то это вовсе не означает, что повезёт и во второй раз.

Справедливо рассудив, что здравомыслящему сапёру не придёт в голову заминировать речное дно, снял берцы, стянул носки с прорехами на пятках и закатал штанины. Добравшись до середины речушки, плеснул в лицо горсть воды и старательно промыл ноздри, в которых, как ему продолжало казаться, навечно поселился смрад падали.

И хотя теперь солнце грело продолжавшую саднить шишку на загривке, оно не перестало быть путеводной звездой. Правда, идти пришлось полями, а это отнимало много сил. Лишь иногда, если полевая дорога вела на запад, позволял себе некоторое послабление. Однако, услышав далёкий гул автомобильного мотора, куропаткой упархивал в полезащитную полосу.

Без малого полдня потратил, чтобы обогнуть расплзшееся перезревшим тестом село. Обходил по холмам, где вперемешку со сгоревшими соснами-крымчанками торчали сигары реактивных снарядов.

Холмы были облиты кладбищенской немотой. И только шустрые сквозняки водили на выгоревших дотла земляничных полянках хороводы да шлёпались в остывший пепел умерщвлённые шишки.

Выбравшись из горельника, Иван вновь почувствовал в носоглотке сильнейшее раздражение. Что бы там ни говорили, а человеческий организм – вещь мало приспособленная для войны, которая контузит барабанные перепонки и приводит в замешательство обоняние. Сплюнув под ноги чёрный сгусток и отряхнув с рукавов оставленные ветками сосен траурные мазки, беглый солдат огляделся.

Начинавшаяся за горельником слева полезащитная полоса вела в нужном направлении, однако в дальнем конце её виднелось какое-то корявое сооружение. Скорее всего, один из блокпостов, которые бородавками обсели донецкую землю.

– Придётся опять нарезать круги, – вздохнул Иван и, придерживаясь горельника, пошёл к полезащитной полосе справа.

Война, похоже, стороной обошла эту зелёную полоску, чем незамедлительно воспользовались ткачи-арахны. Они развесили свои снасти так густо, что всякий, случайно забрёвший сюда комарик, находил здесь погибель.

Впрочем, беглый солдат тоже не обрадовался паутине. Она липла к лицу и тянулась за берцами пыльными лохмотьями. Пришлось прокладывать дорогу при помощи пучка дикорастущей конопли.

Передышка в сражении с арахнами вышла недолгой. Стоило только пересечь дорогу и углубиться в дремотное безмолвие островка байрачного леса. Правда, здесь было посвежее. Наверное, сказалось присутствие ещё одной безымянной речушки, которые во множестве зарождались среди отрогов горного кряжа.

Речушку пересёк по топлякам. Упавшие в воду деревья образовали запруду, по которой ветерок водил флотилию опавших листьев. Под кронами ясеней пахло иначе, чем в горельнике или на заминированном лугу, однако, оказывается, перенасыщенный кислородом воздух тоже способен вызвать раздражение в носу.

Иван так оглушительно чихнул, что за малым не сверзья в воду, а в ответ на это из кустов бересклета раздалось насмешливо-благожелательное:

– Будь здоров! Сто долларов тебе на мелкие расходы...

– Спасибо, – ответил солдат, на всякий случай готовя путь к бегству.

Однако вышагнувший на берег человек был явно не из тех, кого следует опасаться. Пузырящиеся на коленках штаны, распахнутая безрукавка обнажила перекрещенный чудовищными шрамами впалый живот, а главное – глаза. Добрые, словно погожий денёк, окончательно успокоили Ивана.

– Да, – молвил незнакомец, окидывая взглядом пришельца, – сотня зелёных тебе бы точно пригодились... Но, за неимением таковых, могу предложить миску ухи и полбатона хлеба недельной давности. Магазин далеко, да и вокруг такое творится... Ладно, проходи к моему шалашу, располагайся. Зови меня Сергеем Александровичем...

– Иван...

– Дальше можешь не продолжать. Сам вижу – беглый солдат. Здорово, наверное, причесали под Мариновкой или Саур-Могилкой?

– Восемь прямых попаданий в блиндаж комбата, взводному по плечо руку оторвало, моя бээмпэшка сгорела.

То, что Сергей Александрович назвал шалашом, оказалось вполне благоустроенной обителью. Сколоченный из горбылей домишко с двух окнами, столик с прилипшей радужной чешуёй, самодельные скамьи по бокам, в стороне деревянное сооружение, без которого немислимо даже самое убогое человеческое жилище.

– У меня, – засмеялся довольный произведённым на гостя впечатлением хозяин лесной избышки, – даже огород имеется. Дикае кабаны, правда, порой навевываются, но ничего, картохи уродило щедро... Уха ещё горячая, перед твоим приходом с огня снял. Только хлебай осторожно, окунь – рыбка костлявая.

– Вы отшельник? – глядя, как Сергей Александрович утверждает на столе алюминиевые миски и банку с молотым перцем, спросил Иван.

– Вроде того. Отшельник на лето. Рыбачу, за огородом присматриваю. Как выперли на пенсию, так и обосновался на байрачном островке. А куда ещё податься отставному шахтёру, в квартире которого полный матриархат?

– Как это – полный матриархат?

– Вот обзаведёшься женой, тещей и выводком дочерей из пяти душ, тогда и узнаешь. Пока ночью доползёшь до унитаза, пятки исколешь о разбросанные бигуди да пару-тройку раз окунёшься мордой в развешенные на верёвках дамские штанишки.

– Что же вы их оставили в такое время? Война ведь...

– Мои бабоньки кому хошь глаза выцарапают. Сам удивляюсь, как до сих пор зрения не лишился... Шучу, конечно. Главе семейства почёт и уважение, да и между собой ладят. А что я здесь, так они и настояли: Езжай, – говорят, – на свой огородно-рыбачий стан, куда каждое лето ездил, от беды подальше».

– Беды?

– Самой натуральной... Я в членах избирательной комиссии состоял, против киевской шоблы агитировал, не к ночи она будь упомянута. А когда нацики из этого... из «Азова» налетели, начали таких, как я, за шкуру хватать. Припёрлись и к нам. Один, бородатый, еле по-русски лопочет, автоматом мне в зубы: «К стэнкэ! – орёт. – Мачыть надо падлу!» Спасибо, другой, норовом поспокойнее, урезонил: «Охота тебе, Реваз, с полудохлым возиться? Вот оклемается, тогда и порешишь».

– Так и ушли?

– Что им оставалось делать? Я только из больнички, жена с тещей под руки на горшок водят. А всё язвы, не будь они упомянуты на ночь, проклятые. В одну ночь сразу две сдетонировали, перитонит жуткий... Но ты хлебай, не отвлекайся на беседу.

Однако Иван и без напоминаний так орудовал ложкой, что, наверное, дикие кабаны в чаще слюной изошли.

– Ешь, Ваня, ешь. Я ещё пару черпаков добавлю. Не люблю, понимаешь, если рядом кто-то голоден.

– Так и тётка моя говорит... Нет, черпака достаточно. Ещё бы хлебал, да челюсти притомились.

– Башка моя бестолковая, – подхватился хозяин лесной избышки. – У меня же перцы солёные в погребке. Сейчас слетаю.

Поставив миску с прилипшими к перцам веточками укропа, Сергей Александрович вдруг умолк. Наверное, задумался о чём-то своём, бердящем душу и сердце.

Управившись с перцами и добавкой, Иван поднял голову и удивился странному выражению лица Сергея Александровича. Оно как-то враз напряглось, а из глаз исчезло тепло.

– Поел? – сухо поинтересовался хозяин. – Теперь топай, куда шёл.

– Я, наверное, ляпнул что-то не то? – заробел Иван. – Извините, если что не так...

– Всё так. Кроме «Волчьего крюка» на твоём шевроне. Точно такие имелись на рукавах тех двоих, кто ко мне приходили... И как это я сразу не заметил? Значит, ты из нациков, поди, к стенке ставил тех, кто не признал киевское шобло?

– Никого я не ставил. Просто в батальоне был некомплект механиков-водителей БМП. Вот и загребли, – вконец разобиделся Иван. – Ладно, спасибо, что подхарчили. Прощевайте, Сергей Александрович...

Ушёл. Даже не обернулся на посланные вдогонку слова примирения. От обиды полыхнули уши, да почему-то сделалось горячо под шевроном. Сорвать бы к чертям собачьим каинову печать, да крепко пришита, без ножа никак. А зубами побрезговал. Казалось, шеврон тоже пропитался падалью.

За байрачным островком раскинулось волнистое плато. На нём под ручку с космами ковыля Лессинга дотлевают жёлтые свечи коровяка. Укрытие слабенькое, но в случае опасности можно прильнуть к скудной земле, как льнёт к ней робкий чабрец. Спустя полтора часа плато привело беглого солдата ещё к одному островку. Растущие веером ясеня ссыпали розовые крыльчатки в овраг, на дне которого пульсировал ручёк. Наверное, радовался освобождению из подземной темницы.

Опустив колени в траву, Иван припал к отзывчивой, словно губы любящей женщины, воде.

В полусотне метров ниже по течению через овраг переброшен деревянный мосток с отгнившими перилами. Рядом – утонувший в зарослях матёрой крапивы железобетонный столбик. Прикреплённый к нему проволокой дорожный указатель настолько заржавел, что название населённого пункта удалось прочесть не полностью.

– Свистун, – ухмыльнулся Иван. – Хотелось бы знать, что сие означает.

«Свистун» оказался хутором в одну улицу, которую с двух сторон теснили перешагнувшие через заборы вишнёвые деревца. Однако Иван рискнуть побоялся. Вернулся к оврагу и двинулся в обход хутора, придерживаясь распоясавшейся без присмотра бузины.

К сожалению, овраг оказался капризным попутчиком. Он всё время вихлял, а потом и вовсе повернул на северо-запад. Поэтому Ивану пришлось перебраться на косогор, чья каменистая почва могла прокормить лишь вобравший в себя горечь потревоженной войной земли полынок.

Он, конечно, рисковал, высунувшись на открытое место. Однако риск зачастую оказывается самой прямой дорогой к удаче. Придерживаясь своей путеводной звезды, Иван набрёл на сложенную из дикого камня сторожку. И хотя строенье на отшибе показалось безлюдным, прилёг за кустиком шиповника, таким же тощим, как и пасынок бесплодных косогоров полынок.

И странное дело, чем дальше разглядывал сторожку, тем меньше она казалась бесприютной. Окна изнутри до половины зашорены старыми газетами, и никакого намёка на клумбу с загрузившими хризантемами, зато вплотную к сторожке примыкает вызолоченная заходящим солнцем икона озера, которое по периметру обступили выкованные из того же драгметалла осинки.

Правда, от созерцания этой сиятельной прелести у Ивана защемило под сердцем. Наверное, нечто подобное испытывает соскучившийся по человеческому очагу бездомный пёс.

Подождав, когда сумерки окрасят икону озера в серебристые тона, прокрался к сторожке, которая, как и следовало ожидать, оказалась заперта на висячий замок. Однако это не огорчило Ивана. Замки в сельской глубинке существуют исключительно для того, чтобы случайный гость мог узнать – дома хозяин или отлучился. А ключ если и прячут, то от глаз любительницы блестящих вещиц сороки.

Ключ на грязноватой верёвочке Иван нашёл под деревянным в одну ступеньку крыльцом. Внутри сторожки пахло табачным перегаром, рыбацким бреднем и пустырником, снопики которого в беспорядке валялись на подоконниках. Да и прочая обстановка оказалась под стать сугубо мужской обители. Койка с полотенцем на одной спинке и спортивным костюмом на другой, пара табуреток, брусок хозяйственного мыла на плите, рядом с потухшим очагом кроссовки и инвалидного вида веник.

Дальний угол, где высилось что-то громоздкое, почти не просматривался. Лишь по запаху рыбы можно предположить, что угол занят сетями и поставленной на попа небольшой лодкой.

– Прости, хозяин, – сказал Иван, – но костюмчик с кроссовками моего размера. Верну как-нибудь при случае. Заодно одолжу на полчаса туалетные принадлежности.

Серебряная икона к тому времени покрылась чернью. Лишь там, где к берегу вплотную подступали осинки, она казалась более светлой. Входил в воду, как входят в тёмную комнату чужого дома. С опаской. Однако песчаное дно оказалось удивительно ровным. Ни булыг, ни бутылочного стекла.

Вернулся в сторожку с одним полотенцем вокруг бёдер. Грязные трусы зашвырнул в кустики войлочной вишни, туда же отправил и то, что прежде именовалось носками.

Жутко хотелось есть, только ничего съедобного в сторожке не обнаружилось. Поэтому поступил по закону волчьей стаи: коль не удалось что-нибудь заполучить на ужин, ложись спать. А грядёт новый день, глядишь, госпожа удача расщедрится на белый сухарик.

Правда, до нового дня ещё надобно дожить. Впереди целая ночь, время нечистой силы и луны. Особенно коварна последняя. И если она способна приливной волной повернуть вспять Луару или какую другую, тоже впадающую в океан реку, то разве трудно ей устроить досрочную побудку человеку с истрёпанной психикой...

Луне, похоже, надоело общество шушукующихся осин. Она приподнялась на цыпочки и заглянула в сторожку поверх зашоренных газетами окон.

Свет небесного отражателя оказался таким ярким, что Иван прикрыл глаза рукой. Однако это не помогло. И вдобавок показалось, что кто-то посторонний забрался в сторожку и теперь внимательно рассматривает незваного гостя.

– Привидится же такое, – пробормотал Иван и убрал от глаз руку. Только лучше бы не делал этого. В дальнем углу стоял человек. Его лицо по самый подбородок находилось в тени капюшона вызолоченного луной плаща.

– Ты кто? – спросил Иван, вдавливаясь лопатками в стену.

Однако пришелец безмолвствовал, и в этом молчании было нечто запредельно жуткое. Казалось, сам дьявол явился в сторожку, чтобы вершить суд над беглым солдатом.

– Послушай, – взмолился Иван, – я, конечно, виноват в смерти ребят и взводного. Следовало бы взять вправо и укрыться за горевшим танком, а не спасать собственную шкуру. Но она ведь у меня одна и другой больше не будет... И потом, разве я мало натерпелся в наказание за свой грех?..

Иван говорил сбивчиво, как всякий, кому последнее слово дадено ради приличия, и что приговор – дело решённое. Поэтому слова его казались сгустками крови, которые вылетают из горла, лежащего на смертном одре чахоточного.

Однако горячая исповедь подействовала на посланца ночи. Суровые черты лица умягчились, исчезла таившаяся под капюшоном могильная пустота.

Беглый солдат хотел ещё что-нибудь добавить к собственному оправданию, однако луна окончательно изгнала мрак из пахнущего рыбацкими снастями угла, и он умолк. То, что вчера принял за поставленную на попа небольшую лодку, а пять минут назад за посланца ночи, ни тем, ни другим не оказалось.

– Да это же каменная баба, – облегчённо выдохнул Иван, для пущей убедительности ощупывая изваяние. – Только огромная, как наш взводный, царствие ему небесное...

Опасаясь пропустить восход солнца, решил скоротать остаток ночи на ворохе сетей, сваленных в промежутке между стеной и половецким идолом. Однако задремал и поэтому с большим опозданием среагировал на шум подъехавшего автомобиля. К счастью, не запаниковал. Хватило ума сообразить, что после дневного света едва ли заметят в тёмном углу спрятавшегося под ворохом сетей человека.

– Странно, – удивился один из вошедших, – я позавчера вроде запер дверь, а она открыта... Склероз чёртов. А какой-то хмырь воспользовался этим. Постель смята, полотенце скомкано... Вот же гад, в качестве благодарности за ночлег напялил мой спортивный, а своё барахло оставил.

– Прочее имущество цело? – полюбопытствовал второй, хриплоголосый, судя по тяжёлым шагам, обутый в берцы.

– У меня из ценностей, командир, сети да каменная баба.

– На кой хрен эту дуру в избушку затащил?

– Чтобы не изнасиловали.

– Ну-ка, разверни куртку левым рукавом к окошку... Да, товарищ егерь, непростой гость у тебя ночевал. Нацик из карательного батальона.

– Как определил?

– На шевроне «Волчий крюк». Их метка. Жаль, что гость слинял до нашего приезда. Уж я бы на нём отыгрался.

– Соли на причинное место насыпали?

– Похуже. Сеструху-малолетку так отхороводили, что в реанимацию попала. Пробовал у неё выяснить приметы тех гадов, сразу плакать начинает. Только однажды попросила: «Братик, если тебе попадётся тот, у которого на кулаке татушка в виде черепа, сразу не убивай. Привези сюда, плюнуть в его харю хочу».

«Ему уже так плюнули, что теперь ворон его рукой закусывает», – чуть не вырвалось у Ивана.

Однако промолчал. Слишком неумная ярость плескалась в хриплом голосе. Такой разбираться не станет. Забьёт солдатскими берцами без суда и следствия.

– Извини, что душу разбередил.

– Моя душа не извинения жаждет, а крови мрази, украсившей себя «Волчьим крюком»!

– А что за крюк такой?..

– Ты – егерь, лучше меня обязан знать, что волк глотает куски мяса целиком. Чем и воспользовались немцы, которые задолго до Гитлера жили. Волчий крюк – это снасть. Один конец крепится к дереву цепью, на другой в форме крюка насаживается мясо. Волк проглотит, но приманке обратной дороги нет. Хоть живым с него шкуру снимай, что некоторые упыри и делали... Надеюсь, интересуешься не для того, чтобы позаимствовать опыт?

– Избави боже. Я что, садист какой.

– Ладно, вечером расскажу, как «Волчий крюк» стал эмблемой гитлеровской дивизии «Райх» и как он перекочевал на шевроны украинских карателей. А теперь к делу... Отложим рыбалку и намеченный моими разведчиками пикничок на природе и займёмся отловом мрази, которая в твоей одежке разгуливает. Как думаешь, куда он может податься?

– Куда и другие, на запад. Только, командир, у охотников дробовики, а нацик наверняка с автоматом и гранатами.

– Патроны с картечью на волка – самое то. Но на усиление, так и быть, подброшу пулемётчика. Давай показывай на карте место, которое следует прочесать в первую очередь...

– Думаю, он будет держаться вот этого массива. Надо одну группу пустить отсюда, а вторую на машинах забросить в лесничество. Да, командир, для подстраховки на холмах слева тоже поставь засаду, лучше – снайперов. Справа скальная гряда, её без альпинистского снаряжения не взять... Только прикажи своим разведчикам, чтобы лишних дырок в моей спортивке не наделали. Перед самой войной купил.

– Замётано. Поехали на базу. Я подниму своих разведчиков, а ты тем временем поднимай охотяр. Чем больше, тем лучше... Да оставь в покое замок, обернёмся в таком темпе, что твою драгоценную бабу не успеют насильничать.

Иван не имел никакого понятия, о каком массиве шла речь. Зато уяснил другое – если не желаешь схлопотать пулю снайпера, стороной обходи холмы.

Бегом обогнул икону озера, затем, утопая по колено в вязком разнотравье, пересёк открытую поляну и наконец оказался на кромке леса. Конечно, сподручнее было бы двигаться вдоль опушки, где виднелась наезженная колея, однако слова егеря о засаде на холмах вынудили свернуть в лес.

Иван даже не предполагал, что долины горного кряжа способны рожать неохватные дубы. В облике патриархов имелось нечто сродственное с вставшими на пути чужинцев витязями.

Здесь, в пойме, уже всю хозяйничала осень. Грибы изнемогали под гнётом опавших листьев, плоды боярышника окрасились в рубиновые тона, а развешенные в подлеске паутинки обрели сходство с отслужившими положенный срок рыбацкими неводами.

Иногда глубинную тишину дубравы нарушали увесистые шлепки. Это бродяга-ветер спихивал с насиженных мест созревшие жёлуди, и те подкалиберными снарядами вонзались в броню лесной подстилки.

Однако беглого солдата заставила насторожиться не желудёвая капель. Позади, в сотне метров за спиной, сухо выстрелила сломанная ветка.

Но это был не зверь. Даже десятипудовый кабан способен проскользнуть чрез ломкий терновник бесплотной тенью. Следовательно, там, за спиной, люди. А пришли они именно за ним. И теперь оставалось только одно – бежать, не дожидаясь, когда в спину ударит звучный плевков волчьей картечи.

И он побежал, сшибая кроссовками шляпки зонтика пёстрога, тараня грудью подлесок. Дважды падал, споткнувшись о забытые лесорубами колоды, потом, оступившись, шлёпнулся в кабанью лёж-

ку. Хорошо, что её хозяин временно отсутствовал. А в раскалённом мозгу пульсировало дурацкое: «Москва – Воронеж – хрен догонишь!»

Впрочем, смысл в этой, выплывшей из сопливого детства, фразе имелся. Преследователь и преследуемый – две большие разницы. Первым движет подогреваемый жаждой отмщения охотничий азарт, а у второго на кону всё. И поэтому он способен совершить то, что не под силу преследователю.

В частности, вскарабкаться без альпинистского снаряжения на скальную гряду, которая сейчас тянется по правую руку беглого солдата. По прикидкам, Иван давно оторвался от погони. Преследователи наверняка считают, что он вооружён автоматом и парочкой гранат. Поэтому пойдут крадущимся шагом, готовые пасть ниц при первой же очереди. Однако успокоение не приходило. Пойменный лес сделался совсем узким, слева, в просветах между дубами-патриархами, уже просвечивали пологие холмы, где терпеливые снайперы караулили добычу.

Только Ивана сейчас больше тревожило другое. Как дикий зверь, он нутром чувствовал главную опасность. И даже готов был поклясться, что слышит дыхание притаившихся впереди разведчиков хриплоголового.

Но те, кто охотился на беглого солдата, не учли одного – дичайшего прилива сил, которые появляются у загнанного в угол живого существа. А посему едва ли держали под прицелом неодолимую, по мнению егеря, скальную гряду.

Ивану ещё не приходилось вскарабкаться на вертикально поставленные утёсы. Самая высокая точка возле хутора бабушки Любы – курган с геодезической вышкой на маковке, который вплоть до потревоженного плугом основания летом облит ягодами земляники. Однако хуторская детвора стороной обходила рукотворную горушку. В ветреный день ржавая вышка издавала звуки, которые напоминали плач потерявшейся души.

Дома, в селе, где родился Иван, вообще не имелось никаких выдающихся над солончаковой степью мест. Ведь не отнесёшь же к ним горбатую плотину пруда за околицей. Только устроишься в санках, а горушка уже кончилась. Впрочем, выпавший ночью снежок редко задерживается на горбатой плотине. Ближе к полудню его без остатка съедали наползавшие с лиманов мохнатые туманы.

Обследовав взглядом гряду, остановил выбор на утёсе бурого цвета. Когда-то, миллионы лет назад, он представлял собой звонкий монолит, однако сейчас больше смахивал на лицо старого пьянчужки. Неряшливые складки, разбежавшиеся склеротическими жилками трещины, выпавшие из дёсен и теперь валяющихся внизу булыги.

Первые метры дались легко. Облегчённое голодом тело не мешало брать уступ за уступом. Так помалу добрался до карниза, такого широкого, что можно присесть и оглядеться.

Но главное – от карниза вверх вела цепочка вбитых в скальную породу ржавых штырей с кольцами. И хотя цепочка обрывалась в полутора метрах от вершины, стало тепло от мысли, что этот путь уже пройден другими.

Конечно, тренировавшихся здесь скалолазов страховала продетая сквозь кольца верёвка, и обуты они были не в кроссовки с чужой ноги, а в специальные ботинки. Однако Иван почувствовал что-то вроде превосходства над ними. Альпинисты покоряли утёс ради малой дозы адреналина, а он спасает собственную шкуру.

Только человек не Господь, он способен лишь предполагать. Да и откуда Ивану знать, что на последнем, ведущем к вершине утёса карнизе отдыхает желтобрюхий полоз. Такой же громадный, как и принявший родимое пятно на щеке школьного учителя за мышку его собрат.

У тех, кто сталкивается нос к носу на узкой тропе, всегда есть выбор. Либо уступить дорогу, либо вместе свалиться в пропасть.

– Послушай, дурачок, – как можно ласковее молвил беглый солдат, – зачем тебе кусать то, что не поместится в брюхе? Ползи в свою норку с миром, не дай сбыться проклятию взводного...

Однако полоз лишь слегка приподнял похожую на булыжник голову. То ли собрался ответить человеку, то ли просто ждал, когда тот, наконец, чихнёт.

А над утёсом по ниспадающей кружился вран. Наверное, уже предвкушал трапезу из двух блюд, а может, вёл учёт падали, которой людишки засеяли хлебные нивы и отлоги горного кружа.